

Хандорин Михаил Евгеньевич

Расшифровка аудиозаписи интервью от 12 декабря 2019 г.

Записал В. Ханевич.

Расшифровку сделала Е. Белова (15.12.2023)

- Хандорин Михаил Евгеньевич.
- Очень приятно.
- Я именно пришел в 12-го. Я просто в отпуске сейчас. 12 декабря 1937 года мой дед **Михаил Дмитриевич Хандорин** был арестован. 58-я статья. Вы знаете, что это, что вам объяснять...
- А он жил где?
- Жил он на Красноармейской. В то время жили. Этого дома уже не существует. Как мне отец рассказывал, утром проснулся, а отца нету... Дело я его читал, еще в 90-м году. Был такой Кашеев, помните, наверное?
- Да, конечно.
- Он мне посоветовал обратиться... Тогда помогал Уйманов, Валерий Николаевич. Я ему письмо написал. Мне разрешили ознакомиться с делами. У меня оба деда [были репрессированы]. Один дед — **Благовестов Роман Ильич**.
- По материнской линии, да?
- Да, по материнской линии. Тогда я ознакомился, помню, на Кирова 18 пришел. Два дела дали. За столом сидела, как вот [мы] с вами, и женщина. Пока я читал все дела, она никуда не уходила... Когда мне это все надоело, такое впечатление было... Одного деда посмотрел, второго... Дела похожие... Запомнил этих следователей. Легачевский, Горбатко.
- Лихачевский был, наверное.
- По-моему, Легачевский, но я не помню точно. Я могу ошибаться. Сколько лет уже прошло... Потом я сказал, что читать больше не буду, ничего писать не хочу. Она мне: «Хорошо, мы сейчас вам дадим документ, чтобы получить новые свидетельства о смерти». У одного деда было написано, что умер от крупозного воспаления легких.
- Это в первых [свидетельствах о смерти было]?
- Да, это я читал. У нас дома есть эти все [старые] свидетельства. Второму — паралич сердца поставили. Там даты [стояли] где-то — 42-43 годы. Дальше, [она] приносит мне направление для этого. Я ей сказал, что я не согласен, [какая] дата поставлена. Дата расстрела, пишет, 1 декабря. Я говорю, что не могу с этим согласиться. «Почему? — спрашивает. — Я не могу с этим согласиться. — Почему? Вы что, нам не верите? — Я вам верю, но только, видите: Дата ареста 12 декабря, а дата расстрела 1 декабря. Так

же не может быть. Сначала человека все-таки надо арестовать, потом расстрелять. Или у вас сначала расстреливали?»

Она срывается, до нее дошло, где-то полчаса ее не было, я остался один в кабинете. Приходит она минут через 20-30. «Мы все выяснили»... Ставит дату смерти — 8 января, 1938 год. Дала еще деду пожить.

- А в документах не было выписки из акта о расстреле?
- Я сейчас не могу спорить. Или они задним числом это писали...
- Это когда в свидетельстве о смерти, понятно, что первые выдавали заведомо ложные даты и причины смерти.
- Там был 1943-1942 год установлен. А здесь, я думаю, что это тоже дата неправильная. Посоветовалась с вышестоящими товарищами, сказали ей...
- То есть, [у вас] оба деда расстреляны?
- Оба.
- А в чем их обвиняли?
- В ваших компьютерах есть.
- Кстати, деда, который Хандорин Михаил Дмитриевич, я заходил на сайт вашего музея, его там нет. А Благовестов есть, потому что тогда мы ходили с мамой еще, мама у меня живая... Тогда Фаст Вильгельм Генрихович, жили они тогда на площади Южная, жена его, я не могу вспомнить ее имя...
- Нина Поликарповна.
- Она тоже на компьютере собирала. Она сама нам позвонила, маме.
- Благовестов — он из семьи священников?
- Да, он из семьи священников. Но он был, тут не все чисто, обновленец.
- Ну, раскол был, скажем так, в церкви, инспирированный ГПУ. Там тоже людей стравливали друг с другом...
- Ну, не надо было с ними сотрудничать, я так думаю.
- Ну... Пошли на сотрудничество... А потом уже поздно было.
- Да, он здесь есть. И еще. У меня прадед — **Хандорин Дмитрий Федотович**, он тоже у вас [есть]. Он был арестован в 1926 году, но он умер своей смертью. Он как раз протоиерей был, священник... Но почему-то он там как дьякон [записан]. Дьякон — это его брат, **[Хандорин] Виктор Федотович**. Вот он был расстрелян, это как раз дед Геннадия Петровича...
- То есть, это родной дед Геннадия Петровича [Хандорина]?
- Да, да, да. Виктор Федотович, как раз он расстрелян.
- А вы с ним общались, с Геннадием Петровичем?

- Никогда, я его раза три видел в жизни, в основном только на похоронах общих родственников, встречались. А он, ну как сказать, он на «почтовом», ну, видимо, не шибко ему и надо было. С отцом его, да, мы разговаривали много раз, я его хорошо помню, Петр Викторович, очень хороший человек был. Но с Геннадием Петровичем — нет.
- Дела на ваших дедов, скажите, они были коллективные или персональные?
- Персональные, конечно, персональные. Ну, в общей базе репрессии...
- Фотографии там были?
- Нет, не было. У Михаила Дмитриевича был там, паспорт его. Я так подозреваю, что этого дела нет здесь, в Томске. У меня тетка родная, она на Западной Украине жила, она, видимо, затребовала это дело. Скорее всего, оно там...
- Нет, но все равно его должны были вернуть. Если даже его туда на время отправляли, то потом должны были вернуть.
- У нее и паспорт остался, допустим, мне ничего не дали, а у нее много знакомых в прокуратуре был в Томске, скорее всего, через них. Ну, я так думаю. Ну, я не могу утверждать это стопроцентно. Я думаю, что поэтому, в вашем списке его и нету, Михаил Дмитриевича, скорее всего, поэтому.
- А у вас фотографии сохранились, дедов, есть?
- Конечно.
- Можете фотографиями поделить, копиями, все-таки для нашего мартиролога Томского, очень важно?
- Я могу, и почетная грамота у нас осталась, «Ударник первой пятилетки», строитель был, все у нас осталось...
- Если вы, так сказать, на моей страничке, то вы регулярно же смотрите и видите, когда я публикую?
- Да, я всегда вас оцениваю, кстати.
- Спасибо.
- Ну, конечно, не всегда, но, конечно, я смотрю все, и Палочку смотрю, смотрю, когда Боря Былин к вам пришел. Ну, я знаю, что он из Каргаска парень. Я-то с ним еще по анархистскому движению, я ему помогал, когда он «Голос труда» делал, я ему рисовал карикатуры злобные. Еще в девяностом году.
- Ну, я-то его еще помню как студента...
- Ну, я в последнее время с ним не общаюсь, что-то он, по-моему, куда-то занесло слишком...
- Ну, он редко сюда и приходит.
- Ну, все-таки бывает, да?